

Л. А. Бакланов, Д. Б. Панюшин

ПРОВЕДЕНИЕ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩА БЕЗ СОГЛАСИЯ ЕГО СОБСТВЕННИКОВ: PRO ET CONTRA

В связи с вынесением судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 9 января 2013 г. кассационного определения № 45-О12-77 активно ведется дискуссия о порядке проведения такого оперативно-разыскного мероприятия, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, а именно о возможности проведения гласного обследования жилища без согласия его собственников и допустимости проведения обследования в форме, выходящей за рамки визуального осмотра.

Необходимо рассмотреть существующие подходы по обозначенным проблемным вопросам, провести анализ законодательства и аргументов противников возможности проведения гласного обследования жилища без согласия его собственников в форме, выходящей за рамки визуального осмотра, предложить аргументы в пользу проведения обследования в объеме, выходящем за рамки визуального осмотра.

Для решения перечисленных вопросов использовался системный подход к выявлению проблем и постановке исследовательских задач. Широкое применение нашли методы конкретно-теоретического исследования: сравнительно-правовой, герменевтический в различных вариантах (анализ грамматической и логической структуры правовых текстов, их системное, историческое, телеологическое истолкование).

В ходе исследования авторы приходят к выводам о том, что гласное обследование жилища может проводиться без согласия его собственников при наличии разрешения суда; обследование предполагает активную поисковую деятельность, в том числе вскрытие запертых помещений и хранилищ, независимо от формы его проведения; дальнейшее развитие оперативно-разыскной деятельности должно заключаться в совершенствовании положений законодательства, содержащих меры обеспечения проведения обследования, и прав лиц, в отношении которых проводится рассматриваемое оперативно-разыскное мероприятие.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, гласное обследование помещений, принуждение в оперативно-разыскной деятельности, принудительное обследование.

L. A. Baklanov, D. B. Panyushin

CONDUCTING AN OVERT SEARCH OF A DWELLING WITHOUT THE OWNERS' CONSENT: PRO ET CONTRA

In connection with the rendering of the cassation ruling No. 45-012-77 by the Judicial Chamber of Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation on January 9, 2013 the procedure for carrying out such an operational search activity as a search of premises, buildings, sectors of the terrain, and vehicles is being actively discussed, specifically the possibility of conducting an overt search of a dwelling without the owners' consent and the admissibility of conducting a search in such a form that goes beyond visual inspection.

It is necessary to consider existing approaches to the outlined issues, to analyze the legislation and arguments of the opponents of the possibility of conducting an overt search of a dwelling without the owner's consent in a form that goes beyond the scope of visual inspection, to offer arguments for the possibility of conducting a search beyond the scope of a visual inspection.

To solve the designated problems the authors used a systematic approach to set apart the problems and formulate research goals. The methods of particular theoretical research such as comparison-based legal

method, hermeneutical method in different variations namely the analysis of grammatical and logical structures of legal documents; their systematic, historical, and teleological interpretation were widely used.

In the course of the research, the authors come to the conclusion that an overt search of a dwelling can be conducted without the owners' consent if the court's permission is granted; the search involves active search activity, including opening of locked premises and storage facilities regardless of the form it is conducted in; further development of the operational search activity should include the improvement of the provisions of legislation containing measures to ensure the conduct of the search and the rights of people who are being the subjects of the operational search activities.

Key words: detective activity, operational search operation, overt search of a dwelling, coercion in the detective activity, coercive search.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД) одним из оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) является обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее — обследование). При этом, несмотря на то что Закон об ОРД действует уже более 20 лет, до настоящего времени отсутствуют четкое понимание сущности данного ОРМ и детальная регламентация условий, организации, тактики его проведения, что приводит к ряду проблем.

Среди теоретиков и практиков разворачиваются два направления дискуссии: о возможности проведения гласного* обследования жилища без согласия его собственников и допустимости проведения обследования в форме, выходящей за рамки визуального осмотра.

В статье будут рассмотрены существующие подходы по обозначенным проблемным вопросам, проведен анализ законодательства и аргументы противников возможности проведения гласного обследования жилища без согласия его собственников в форме, выходящей за рамки визуального осмотра, предложена аргументация возможности проведения обследования в объеме, выходящем за рамки визуального осмотра.

При рассмотрении взглядов на возможность проведения гласного обследования жилища без согласия его собственников следует согласиться с мнением А. Е. Чечетина о том, что к моменту появления законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности сформировалось доктринальное толкование рассматриваемого нами ОРМ, основанное на ограничительном понимании права на его гласное проведение, которое заключалось в том, что гласное обследование может применяться лишь при условии согласия лиц, чьи права при этом могут ограничиваться [1, с. 154, 161, 166—167]. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что доктринальное толкование не содержало

соответствующей аргументации, а в научных работах не приводилось нормативных правовых актов, обосновывающих данную позицию. В настоящее время сложно говорить о причинах формирования такого подхода в доктринальном толковании, однако следует предположить, что они кроются в инертности реагирования на появление оперативно-розыскного законодательства. Так, до начала законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности (до 1992 г.) в ее теории и правоприменительной практике использовался специальный метод — оперативный осмотр. Он представлял собой способ получения информации, необходимой для решения задач в борьбе с преступностью путем *негласного* ознакомления или осмотра предметов материалов и веществ.

Полагаем, что с появлением закона, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность, особенности проведения оперативного осмотра были перенесены исследователями на новое ОРМ — обследование — без учета норм закона и вновь появившейся специфики. С течением времени, испытывая острую потребность в преодолении сложностей при решении задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью, оперативно-розыскная практика пришла к возможности осуществления гласного обследования не только без согласия, но и против воли собственников обследуемых объектов, в том числе жилых помещений. Подчеркнем, что формирование новой позиции происходило не одномоментно, а на протяжении определенного периода. Например, если в 2012 г. 78,6 % сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел** допускали возможность осуществления гласного обследования против воли собственников обследуемых объектов, то в 2015 г. их было уже 96,4 %***.

Аналогичные изменения произошли и в среде исследователей. Так, из 19 литературных

источников, доступных для свободного изучения на сайте научной электронной библиотеки (elibrary.ru), полученных при поиске по ключевым словам «гласное обследование», лишь в одном из них [2, с. 240—244] авторы считают невозможным осуществление гласного обследования без согласия собственников обследуемых объектов.

В завершение рассмотрения формирования точек зрения на возможность проведения обследования объекта без согласия его собственников приведем в поддержку своей позиции аргументы, которые были отмечены А. Е. Чечетиным — сторонником недопустимости проведения гласного обследования объектов без согласия их собственников:

1. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2013 г. № 45-О12-77.

2. Постановление Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 18 сентября 2014 г. «Дело «Аванесян (Avanesyan) против Российской Федерации» (жалоба № 41152/06).

3. Отсутствие прямых законодательных дозволений на возможность принудительного оперативно-разыскного обследования [2, с. 157, 161].

Рассмотрим подробно каждый из них.

1. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 9 января 2013 г. вынесла кассационное определение, в котором гласные обследования жилых помещений, проведенные на основании судебного решения, были признаны незаконными, поскольку согласия на проникновения в жилище от их владельцев получены не были, по смыслу положений Закона об ОРД оперативно-разыскное обследование осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Данное кассационное определение оказало значительное влияние на практику оперативно-разыскной деятельности. Так, в некоторых регионах суды стали отказывать в даче разрешений на проведение гласных обследований жилых помещений [3, с. 61—63]. При этом анализ кассационного определения позволяет заключить, что оно не отвечает положениям законодательства и требованиям логики.

Во-первых, в определении Верховный Суд Российской Федерации указывает, что «гласное обследование жилища И. В. Рычковой было проведено на основании разрешения судьи, при этом какого-либо согласия на проникновение в жилище от проживающих в нем лиц получено не

было». Полагаем, что у судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не было оснований для выдвижения требования о получении правоохранительным органом при проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, кроме решения суда, еще и согласия лиц, в отношении которых проводятся ОРМ.

Так, в ст. 25 Конституции Российской Федерации закреплено, что: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения». Из смысла конституционной нормы следует, что разрешение суда, равно как и соответствующая воля проживающих в жилище лиц, являются равнозначными законными основаниями для ограничения права на неприкосновенность жилища. Другими словами, для проведения обследования достаточно либо воли проживающих в жилище лиц, либо разрешения суда. Это согласуется с

положениями ст. 8 Закона об ОРД, в соответствии с которыми проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и не требует дополнительно получения согласия лица.

Таким образом, указание судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации на обязанность при проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, получать, кроме судебного разрешения, еще разрешение (согласие) лица, в отношении которого проводятся ОРМ, не в полной мере основывается на нормах Конституции Российской Федерации и Закона об ОРД.

Во-вторых, в рассматриваемом кассационном определении, отмечается: «Между тем согласно п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств является одним из ОРМ, проводимых для решения задач, предусмотренных ст. 2 Федерального закона. По смыслу указанных норм в их взаимосвязи со ст. 9 Федерального закона данное ОРМ осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу». Таким образом, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, изучив указанные нормы Закона об ОРД, пришла к выводу о том, что «обследование осуществляется негласно» и «не может быть направлено на обнаружение и изъятие

доказательств по уголовному делу». Считаем необходимым проследить логику принятия судом указанного вывода.

В пункте 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД содержится наименование ОРМ, которое проводится при осуществлении оперативно-разыскной деятельности — обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств — иные нормативные предписания в указанном пункте отсутствуют. Статья 2 закрепляет задачи ОРД, ст. 9 регулирует порядок получения судебного разрешения на проведение ОРМ. Упоминания

о том, что обследование, равно как и иное ОРМ, осуществляется исключительно негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу, в указанных нормах не имеется. Таким образом, вывод о том, что обследование осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу на указанных нормах Закона об ОРД не основывается. Кроме того, анализ иных статей Закона об ОРД позволяет сделать противоположный вывод. В частности, ст. 1 предусматривает возможность проведения ОРД как гласно, так и негласно, ст. 7 определяет основания проведения ОРМ и не выделяет оснований для негласных или гласных ОРМ. Статья 8 устанавливает общие условия проведения ОРМ

ОРМ в независимости от формы их осуществления, а в ч. 5 предусматривает передачу следователю для приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств фонограммы и бумажного носителя записи переговоров. Пункт 1 ч. 1 ст. 15 закрепляет право проведения как гласных, так и негласных ОРМ. Таким образом, Закон об ОРД, устанавливая основания и условия проведения ОРМ, не определяет особенностей гласной

и негласной форм их проведения и не запрещает проводить отдельные ОРМ в гласной форме. Как следствие, вывод судебной коллегии в кассационном определении не только не основывается на Законе об ОРД, но и вступает с ним в противоречие.

В-третьих, в рассматриваемом определении отмечается: «Таким образом, фактически в жилых помещениях О. В. Криницыной и И. В. Рычковой были проведены обыски до возбуждения уголовных дел и с нарушением требований, установленных ст. 182 УПК РФ». Полагаем, что причиной такой формулировки является необходимость аргументации решения путем

указания конкретной нормы федерального закона, которая была нарушена при проведении гласного обследования. В условиях отсутствия в Законе об ОРД такой нормы обоснование решения базируется на ст. 182 УПК РФ. С подобным подходом сложно согласиться. Каждый закон имеет предмет своего правового регулирования. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) регулирует уголовно-процессуальные правоотношения. Установленный им порядок проведения следственных действий не распространяется и не может распространяться на порядок проведения ОРМ. Такой подход (основанный на логической ошибке — подмена понятий) фактически создает прецедент, в соответствии с которым результат любого законного действия может быть признан недопустимым. Например, допрос следователем свидетеля недопустим, поскольку при его осуществлении нарушены требования ст. 6 Закона об ОРД, так как допрос не разрешен указанной нормой закона. Проведенный в соответствии со ст. 27.8. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях осмотр проведен в нарушении ст. 176 УПК РФ (основания производства осмотра), поскольку при его проведении не выяснялись обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и т. д.

Уверены, что при правовой оценке ОРМ необходимо руководствоваться требованиями Закона об ОРД, а не заимствовать нормы других законов, которые не регулируют исследуемых правоотношений. Кроме того, представляется недопустимым произвольно переименовывать действия, проводимые правоохранительными органами в рамках одной отрасли права, в действия, регламентированные другими отраслями права. Иными словами, нельзя назвать ОРМ «опрос» следственным действием «допрос» и после этого предъявлять к нему все требования, установленные УПК РФ.

Таким образом, рассматриваемое нами кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации является спорным аргументом при обосновании недопустимости проведения гласного обследования жилища против воли проживающих в нем лиц, поскольку кассационное определение содержит юридические и логические ошибки, а сделанные выводы вступают в явные противоречия со ст. 6, 15, а также ст. 1, 7 и 8 Закона об ОРД.

2. Дело «Аванесян против Российской Федерации» — первое дело, где ЕСПЧ оценивал

гласное обследование, проведенное сотрудниками оперативного подразделения органов внутренних дел против воли проживающих в жилище лиц, в форме, выходящей за рамки визуального осмотра. Анализ данного судебного решения позволяет нам сделать вывод о том, что в его основе лежало два юридически значимых обстоятельства.

1. Недостаточное правовое регулирование ОРД, не допускающее пересмотра судебного решения о разрешении проведения ОРМ (пп. 29, 32, 33). ЕСПЧ согласился с доводом заявителя о том, что действующее законодательство позволяет судам санкционировать проведение ОРМ в отношении любого лица и по любым основаниям, при этом решение суда не будет отменено или аннулировано вышестоящим судом (п. 26). В пункте 29 ЕСПЧ указывает, что «должна существовать процедура, посредством которой данное лицо могло бы оспорить юридические и фактические основания выдачи ордера и получить компенсацию, если обыск был санкционирован или произведен незаконно». Однако вывод ЕСПЧ о недостаточности правового регулирования ОРД, заключающийся

в отсутствии процедуры пересмотра судебного решения, разрешающего проведение ОРМ, не получил до настоящего времени реализации в законодательстве и судебной практике Российской Федерации.

2. Недостаточная мотивированность судебного постановления, разрешающего проведение ОРМ. В пункте 38 ЕСПЧ указывает, что отсутствие конкретных доводов и подробностей в судебном решении о разрешении на производство обыска предполагает отсутствие оснований для обыска. В пункте 44 идет конкретизация приведенного тезиса и указывается, что в судебном решении не обозначено преступление (преступления), в совершении которого подозревался заявитель; основания возникновения подобных подозрений и доказательства, подтверждающие их; не перечислено, какие вещи или предметы могли находиться в доме заявителя и т. д.

Анализ второго юридически значимого обстоятельства позволяет сделать вывод о недостаточной мотивации судебного решения в конкретном рассматриваемом ЕСПЧ случае правоприменения. При этом международный суд не ставил под сомнение возможность проведения анализируемых правоприменителем действий. Таким образом, приведенное решение ЕСПЧ не является аргументом, обосновывающим недопустимость гласного обследования жилища против воли проживающих в нем лиц, в форме,

выходящей за рамки визуального осмотра.

3. Следует согласиться с А. Е. Четчиным в том, что в настоящее время в Законе об ОРД отсутствуют прямые законодательные дозволения на возможность проведения обследования без согласия собственников обследуемых объектов. Однако это не означает, что законодатель прямо высказался о недопустимости принуждения при проведении гласных ОРМ [1, с. 153]. Так, по мнению В. Ф. Луговика, уже сейчас существуют «правовые суррогаты принуждения в оперативно-розыскной деятельности», которые получили свое закрепление в статусных нормативных правовых актах

[4, с. 28]. Например, ч. 2 ст. 15 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — Закон о полиции) предоставляет право входить (проникать) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории в случаях, предусмотренных федеральными законами. Один из них — Закон об ОРД. В нем зафиксировано право поводить обследование при наличии оснований и с соблюдением установленных в законах условий проведения ОРМ. Пункт 7 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции во взаимосвязи с п. 3 ч. 1 ст. 20 этого же закона предусматривает применение физической силы, если это необходимо для проведения ОРМ. Исходя из этого можно говорить о том, что отсутствие прямых законодательных дозволений на возможность проведения обследования без согласия собственников обследуемых объектов — скорее, не умысел, а недоработка законодателя.

Кроме того, полагаем, что результат, к которому пришла оперативно-розыскная практика в вопросе проведения обследования без согласия собственников обследуемых помещений является закономерным и объективным. ОРМ имеют разведывательно-познавательный характер и уже в силу этого осуществляются в активной форме иногда

с элементами принуждения, а также допустимого психологического и физического воздействия [4, с. 25]. Таким образом, перед исследователями должна стоять задача не отрицания сложившейся практики, а ее обслуживания путем разработки положений Закона об ОРД, содержащих меры обеспечения оперативно-розыскного производства, и прав лиц, в отношении которых проводятся ОРМ.

При рассмотрении возможности осуществления при гласном обследовании действий, выходящих за рамки визуального осмотра, следует отметить, что несмотря на устоявшийся характер, положения УПК РФ, в соответствии с которыми один и тот же метод

познания окружающей действительности разделен на два следственных действия, представляются дискуссионными, поскольку порождают возможные обсуждения границы между осмотром и обыском. Закон об ОРД освобождает органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, от подобных проблем с помощью ОРМ «обследование», которое, по нашему мнению, может осуществляться как в форме визуального осмотра, так и носить ярко выраженный поисковый характер с возможностью вскрытия запертых помещений.

При аргументации своей позиции полагаем бесперспективным использование в качестве аргумента в этой дискуссии этимологию слова «обследование», а также то, что многие современные российские специалисты в области теории уголовно-процессуального права, как и их западные коллеги, при определении понятия «обыск» используют термин «обследование» [5; 6; 7]. Вместе с тем обратим внимание на практику оперативно-разыскной деятельности, которая в условиях нормативной неопределенности опять же в целях решения стоящих перед ней задач самостоятельно заполнила существующий пробел и считает допустимым поисковые действия при обследовании (вскрытие запертых помещений, демонтаж конструкций, в том числе с нарушением целостности обследуемых объектов).

Представляет интерес опыт законодательного регулирования аналогичных правоотношений в европейских странах. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (далее — УПК ФРГ), который по структуре во многом совпадает с УПК РФ, содержит ст. 102 «Обыск у подозреваемого» и 103 «Обыск у других лиц» [8, с. 173—175]. Исследуемое нами действие именуется *Durchsuchung*, что в рассматриваемом случае переводится как обыск. УПК ФРГ так же, как и Закон об ОРД, не выделяет самостоятельного действия, называемого осмотром. При этом подчеркнем, что авторы научно-практического комментария и текста закона, приводя собственное толкование ст. 102 УПК ФРГ, используют термин обследование в качестве синонима обыску, для проведения которого достаточно первичных подозрений [8, с. 173]. Кроме того, нормы, специально разрешающей вскрытие запертых помещений, УПК ФРГ не содержит, их вскрытие разрешено при осуществлении поисковых действий.

Таким образом, с нашей точки зрения, основания для восприятия обследования как

мероприятия, выходящего за рамки визуального осмотра, присутствуют. Обследование предполагает активную поисковую деятельность, в том числе вскрытие запертых помещений и хранилищ, в независимости от формы его проведения.

Отсутствие в Законе об ОРД нормы, содержащей прямое дозволение таких действий, в целом соответствует европейскому пониманию достаточности правового регулирования ограничения охраняемых прав.

В завершение обозначим нашу позицию по вопросам возможности проведения гласного обследования жилища без согласия его собственников и допустимости проведения обследования в форме, выходящей за рамки визуального осмотра:

1. Гласное обследование жилища может проводиться без согласия его собственников при наличии разрешения суда.

2. Обследование предполагает активную поисковую деятельность, в том числе вскрытие запертых помещений и хранилищ, в независимости от формы его проведения.

3. Дальнейшее развитие оперативно-разыскной деятельности должно заключаться в совершенствовании положений Закона об ОРД, содержащих меры обеспечения проведения обследования, и прав лиц, в отношении которых проводится данное ОРМ.

Примечания

* Гласная форма проведения обследования предполагает неприменение сотрудниками оперативных подразделений специальных мер сокрытия своих действий, направленных на недопущение осознания заинтересованными лицами (собственником жилища, лицами, в нем проживающими, и др.) проведения оперативно-разыскного мероприятия.

** Опрошено 126 сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

*** Опрошено 112 сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

1. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-разыскных мероприятий: моногр. СПб., 2016. 232 с.

2. Поляков М. П., Терехин В. В. Некоторые аспекты нарушения законности при реализации гласного оперативного обследования (как проявление методологической проблемы дифференциации ОРД на гласную и негласную) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1. С. 240—244.

3. Зенкин А. Н. Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-разыскными мероприятиями // Законность. 2017. № 1. С. 61—63.

4. Луговик В. Ф. Правовые суррогаты и принуждение в оперативно-разыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 27—28.

5. Рыжаков А. П. Обыск и выемка: основания и порядок производства. М., 2015. 224 с.

6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014. 1056 с.

7. Россинский С. Б. Комментарий к ст. 182 УПК РФ // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постат. науч.-практ. коммент. / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015. Вып. 3—4.

8. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO): науч.-практ. коммент. и перевод текста закона. Потсдам, 2012. 404 с. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de> (дата обращения: 07.12.2017).

1. Chechetin A. E. Ensuring individual rights in the course of operational-search activities: monograph. SPb., 2016. 232 pp.

2. Polyakov M. P., Terekhin V. V. Certain aspects of violating legality while realizing overt operational inspection (as realization of the methodological problem of differentiation of overt and undercover operational investigation activities) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 1. Pp. 240—244.

3. Zenkin A. N. Substitution of criminal procedural actions for operative search activities // Legitimacy. 2017. № 1. Pp. 61—63.

4. Lugovik V. F. Legal surrogates and coercion in crime detection // Scientific bulletin Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (65). Pp. 27—28.

5. Ryzhakov A. P. Search and seizure: foundations and proceedings. M., 2015. 224 pp.

6. Scientific and practical commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article-by-article) / head of the writing staff V. A. Davydov. M., 2014. 1056 pp.

7. Rossinskii S. B. Commentary to art. 182 of the Code of Criminal Procedure of Russia // The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: an article-by-article scientific and practical commentary / executive editor L. A. Voskobitova. M., 2015. Edition 3—4.

8. Golovnenkov P., Spitsa N. Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany — Strafprozessordnung (StPO): scientific and practical commentary and translation of the text of the law. Potsdam, 2012. 404 p. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de> (date of access: 07.12.2017).

© Baklanov L. A., Panyushin D. B., 2018

© Бакланов Л. А., Панюшин Д. Б., 2018